

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

М.В. Кротова

ГЕНЕРАЛ В.Н. КАСАТКИН: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ В ХАРБИНЕ

В биографии Василия Николаевича Касаткина (1886–1963) – генерал-майора, воевавшего против Красной армии на Восточном фронте, остается много неясного. И если его участие в Гражданской войне описано в различных справочниках и исследованиях, то эмигрантский период его жизни требует дальнейшего изучения.

Согласно добротному биографическому справочнику, Касаткин участвовал в Первой мировой войне, дослужился до чина полковника и начальника штаба корпуса, был награжден орденом Св. Георгия IV ст. В годы Гражданской войны он исполнял должность главного начальника военных сообщений Ставки верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака. При расследовании дела о злоупотреблении служебным положением подчиненными ему офицерами 2 августа 1919 г. он был арестован, а 12 августа отчислен от занимаемой должности с зачислением в резерв офицеров Генерального штаба при Управлении 1-го генерал-квартирмейстера Ставки и отдан под суд. Военно-полевой суд понизил его в должности и приговорил к шестимесячному заключению, которое отложили до окончания Гражданской войны. С 17 сентября Касаткин занимал пост генерал-квартирмейстера штаба Омского военного округа, исполнял обязанности начальника штаба. В войсках Дальневосточной армии он служил в должности начальника штаба 2-го отдельного стрелкового корпуса, в войсках Временного Приамурского правительства – генерала для поручений при командующем войсками. Эмигрировав, проживал во Франции¹.

В действительности, однако, во Франции Касаткин находился лишь последние 4 года своей жизни, а 40 лет он прожил в Маньчжурии, в Харбине. И об этом периоде его жизни практически ничего не известно.

В 1960 г. во Франции, в старческом доме Красного креста (Maison de la Croix Rouge) он написал воспоминания для Бахметьевского архива Колумбийского университета. Назвал их солидно: «На грани двух эпох (1845–1955). Воспоминания и мысли о прошлом»². В воспоминаниях он описал военное образование в дореволюционной России, Николаевскую военную академию, Первую мировую войну, особо остановился на личности адмирала Колчака и деятельности союзников в Сибири. И, наконец, рассказал об эмиграции в Маньчжурии.

О себе он сообщает скудные сведения: сын генерала, родился в Каменец-Подольске в 1885 г. (в справочниках указан 1886 г.), образование – 1-й кадетский корпус в С.-Петербурге, Николаевское инженерное училище, Академия Генерального штаба. Участвовал в Первой мировой войне, в 1916 г. – полковник, был произведен в генерал-майоры. В 1917–1918 гг. преподавал в Военной академии, в 1918–1920 гг. состоял в штабе адмирала А.В. Колчака, переехал в Харбин, в 1920–1935 гг. служил на КВЖД. В 1935–1945 гг. имел транспортную контору, в 1945–1952 гг. – преподавал русский язык. В 1959 г. переехал из Китая во Францию.

В воспоминаниях Касаткина много общих рассуждений о политике Китая, СССР и Японии, о международной обстановке, но почему-то он избегает развернутого рассказа о пережитом лично им, о своем собственном эмигрантском опыте, своих связях, контактах. Вообще, по тексту его воспоминаний трудно реконструировать его биографию. Более того, многие факты искажены, есть неточности в датах. Касаткин очень осторожен, и создается впечатление, что он сознательно избегает касаться некоторых фактов своей биографии.

Так, в своих воспоминаниях Касаткин утверждает, что работал в Правлении КВЖД, был эмигрантом, что его уволили с дороги 20 октября 1929 г. Между тем в мемуарах и дневниках других эмигрантов есть упоминания о советском гражданстве Касаткина во время его службы на КВЖД (о котором он, естественно, в своих воспоминаниях писать не стал), а документы из архива Правления КВЖД, хранящегося в РГИА, уточняют некоторые факты его биографии. Судя по отзывам людей, знавших Касаткина лично, репутация его была далеко не безупречной.

М.П. Головачев – сибирский областник, эмигрировавший в Харбин, – в своих мемуарах, написанных в 1950-х гг. в Сан-Франциско, аккуратно коснулся этой щекотливой темы: «Что же касается генерала Касаткина, то тот был судим военным судом, признан виновным и приговорен к расстрелу, но наказание ему было смягчено до арестантских рот, причем отбывание такового было отложено до окончания гражданской войны, а до этого времени он был прикомандирован к Томскому военному округу для использования его военно-административных талантов. Это было сделано для сохранения авторитета высших военных лиц и, надо думать, что под их давлением. Анекдотический финал процесса генерала Касаткина, напоминающий, как в басне щуку за разбой приговорили к смертной казни, а способом приведения приговора в исполнение избрано было утопление, вызвал огромное негодование в общественных кругах Сибири и подорвал доверие к власти торгово-промышленного класса наравне с другими. Как Зефилов [Н.С. Зефилов – бывший министр продовольствия Омского правительства адмирала А.В. Колчака. – *М.К.*], так и Касаткин впоследствии оба ревностно служили большевикам в Маньчжурии. Если

они сохранили здоровье, то, вероятно, и теперь посильно приносят пользу коммунизму»³.

О переходе «на сторону коммунистов» в Маньчжурии братьев Сукиных, Сурина и Касаткина вскользь упомянул в своей книге С.С. Балмасов⁴.

В дневнике «бывшего колчаковца» И.С. Ильина, служившего на КВЖД, есть запись, сделанная 8 января 1925 г., когда множество служащих КВЖД с приходом советской администрации в октябре 1924 г. решили подать заявление в Генеральное консульство СССР в Харбине о принятии гражданства СССР: «Тошно. Списки желающих взять совпаспорт все увеличиваются, советское консульство осаждается! Черт знает, что такое! Никто не заставляет, никакого насилия нет, чека не работает – явно, во всяком случае, – ничто не угрожает, а ведь люди лезут, чтобы стать совподданными! Лезут сами!.. Берут паспорта генерал Касаткин, Бутов, Богданов, Зефилов – все омичи. Китайских подданных, дай Бог, чтобы набралось до 2 тысяч, – вся же масса стремится осоветиться. Разумеется, и тут надо делать различия. Многие берут просто, чтобы сберечь место, жалование и, следовательно, спасти себя и семью, другая часть, как омичи, стремятся сделать карьеру при совласти; и, наконец, третья категория – это заядлые поклонники Кремля – их тоже не так мало, больше, чем можно было ожидать!»⁵

В личном деле «бывшего работника КВЖД» Касаткина Василия Николаевича есть заполненный его собственной рукой «послужной список». Факт службы у Колчака Касаткин опустил. До устройства на работу в Экономическое бюро КВЖД в июле 1921 г. он, согласно «послужному списку», «работал по железнодорожным вопросам в военном ведомстве с 1914 года»⁶. Устроиться на КВЖД, по всей видимости, помог ему И.А. Михайлов, начальник Экономического бюро, его знакомый по службе у Колчака.

В это время Касаткин активно печатался в местных журналах, в том числе в «Экономическом вестнике Маньчжурии» и «Экономическом бюллетене». В книгу «Северная Маньчжурия и КВЖД», изданную в 1922 г. в Харбине, включена его работа «Тарифы КВЖД».

С 16 января 1924 г. его перевели помощником заведующего Тарифно-распорядительным отделением Коммерческой части по международным сообщениям с окладом 3 тыс. золотых руб. в год, что по тем временам было значительной суммой⁷ Russian State Historical Archive (RGIA).

В октябре 1924 г. КВЖД перешла в совместное управление СССР и Китая, а значит, служащие дороги должны были иметь советское или китайское гражданство. В противном случае их надлежало уволить со службы. Касаткин, как и многие служащие⁸, подал заявление в Генеральное консульство СССР в Харбине с просьбой о «восстановлении в правах гражданства СССР» и получил квитанцию из консульства об уплате налога⁹.

Эта квитанция позволила ему работать на КВЖД, причем в документах он числился как «советский гражданин», хотя советского паспорта он пока еще не получил. Он участвовал в работе Тарифной комиссии в октяб-

ре–ноябре 1925 г., в связи с чем ему был установлен в квартире личный телефон и в марте 1926 г. была выписана премия в 500 руб. Касаткин ходатайствовал перед Управлением дороги о предоставлении ему квартиры вне очереди (в первую очередь квартиры предоставлялись семейным служащим с детьми, а у Касаткина детей не было), но в июле 1926 г. его ходатайство о предоставлении ему квартиры было отклонено. В апреле 1927 г. он подал прошение о предоставлении ему долгосрочного отпуска «для курортного или климатического лечения», пожаловавшись на пошатнувшееся здоровье. После медицинского освидетельствования врачебная комиссия поставила диагноз «неврастения» и постановила, что «в отпуске он не нуждается»¹⁰.

Позже выяснилась причина всех отказов: Генеральное консульство СССР в Харбине сообщило Касаткину и еще ряду служащих, что «по возбужденным ими ходатайствам о принятии советского подданства ЦИК СССР отказано». В связи с этим, согласно приказу № 144 от 20 октября 1927 г., Касаткин и еще 10 служащих КВЖД были «отстранены от занимаемых должностей» как «не состоявшие в подданстве СССР или Китая»¹¹.

Вместе с Касаткиным был уволен Н.И. Сахаров, бывший управляющий делами Министерства финансов Омского правительства. Сахаров служил заведующим складочными и ссудными операциями Коммерческой части КВЖД. После увольнения он открыл транспортную контору, в которую пригласил работать Касаткина. Контора обанкротилась, и 18 октября 1930 г. Сахаров застрелился¹².

Тогда Касаткин устроился в японскую транспортную фирму «Кокусай Уонью», где служил, согласно его воспоминаниям, до 1945 г. Имел, по его словам, много друзей среди японцев. Неудивительно, что Касаткина считали «японским агентом» как эмигранты-антибольшевики, так и советские граждане. Его фамилия фигурирует в списке «активных белогвардейцев» в Маньчжурии, переданном заместителем председателя ОГПУ С.А. Мессингом заместителю наркома по иностранным делам Л.М. Карahanу 30 января 1930 г., где под номером 135 В.Н. Касаткин значится как «японский агент»¹³.

Касаткин в своих воспоминаниях по каким-то причинам не упомянул о своей службе в Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), где он трудился в Шестом (Юридическом) отделе, и в Японской военной миссии. В архиве БРЭМ, который хранится в Государственном архиве Хабаровского края, нет личного дела Касаткина. Трудно сказать, какую роль в действительности он играл в БРЭМ. Резидент польской разведки в октябре 1936 г. докладывал о своей беседе с начальником Юридического отдела БРЭМ Касаткиным, который сообщил ему о «беспримерном падении авторитета БРЭМа в глазах японцев», связав это с бездеятельностью начальника БРЭМ генерала А.П. Бакшеева, а также с процветавшим в Бюро взяточничеством. Касаткин, по словам резидента, утверждал, что «среди наи-

более порядочной части деятелей Бюро царит убеждение, что как только прояснятся японо-советские отношения, что должно произойти в сторону сближения с Советами, Бюро позорно отживет здесь свой век»¹⁴.

О работе Касаткина в Японской военной миссии свидетельствует И.С. Ильин в своем дневнике за 1938 г.: «Всего сейчас в миссии одного только Харбина служат 40 человек, главные из которых – Касаткин и «Ванька-Каин», или И.А. Михайлов, прозванный так эсерами за свое предательство их идеалов в годы Гражданской войны. Касаткин – тот самый, который при Колчаке был начальником военных сообщений и которого военно-полевой суд приговорил к расстрелу, а Колчак помиловал его под давлением Ставки, Андогского [Генерал А.И. Андогский в августе–сентябре 1919 г. занимал должность первого помощника начальника штаба верховного главнокомандующего. – М.К.] и Генерального штаба. Дела для этих 40 человек – почти никакого, да и в самом деле – что делать? <...> Они ходят ежедневно в военную миссию, сидят там до 12 часов. Потом, с часу дня до 5 их иногда всех собирают и или начальник миссии полковник Хата, или его помощник просят каждого из них дать информацию о положении на русском Дальнем Востоке и о том, каково там настроение «масс», каково отношение к власти и т.д. Большинство наперебой, надо думать, из лаячества и холуйства, а может быть, кто-нибудь и по непроходимой глупости – начинают рисовать картину полного развала, беспорядка, ненависти. “Армия драться не будет, ждут с нетерпением “избавителей”, население власть ненавидит, голодает” и т.д. Японцы слушают с явным удовольствием, записывают эту чушь и отправляют в штаб Квантунской армии»¹⁵.

С началом Второй мировой войны Касаткин встал на сторону Японии и Германии, поддерживал «пораженцев». В воспоминаниях он пишет: «Мы, русские эмигранты, были уверены в победе Гитлера. Ведь еще совсем недавно в 1937 г. Сталин разгромил всю верхушку красной армии. <...> Кроме того, по нашему мнению, снабжение красной армии не могло сравниться с армией Гитлера, в распоряжении которого была вся тяжелая индустрия Германии и возможность снабжать себя покупкой боеприпасов во Франции. <...> Даже в декабре 1942 г., [когда] Гитлер был отброшен от Москвы, то и тогда мы считали, что это только перегруппировка и перемена операционной линии на Сталинград. По-видимому, так считала и военная партия Японии и намечала, когда Гитлер возьмет Сталинград, невзирая на пакт о ненападении с СССР, всей миллионной Квантунской армией ударить в спину СССР, занять Забайкалье и дойти до Байкала, завершить, таким образом, историческую задачу Японии выхода на материк»¹⁶.

После Второй мировой войны, когда Маньчжурия была занята Красной армией, Касаткину каким-то образом удалось не попасть в поле зрения СМЕРШа и избежать участи многих эмигрантов, насильственно вывезенных в СССР. В воспоминаниях он опустил этот период своей жизни,

скромно указав, что после войны преподавал русский язык. Подтверждения этому найти трудно, так как он не назвал учебное заведение, в котором якобы преподавал.

Когда в феврале 1952 г. умерла его жена Мария Александровна (она была младше его на 8 лет), Касаткин задумался о переезде в Европу или Америку, тем более что политическая ситуация в Маньчжурии с приходом к власти коммунистов обострилась. В 1954 г., сломав ногу, он оказался в доме престарелых в Харбине. В 1956 г. ему удалось подать документы на выезд из Китая через Всемирный совет церквей. В январе 1959 г. он получил визу, и через Гонконг вылетел во Францию.

В приюте он начал писать свои воспоминания, старательно обходя молчанием многие факты из своего прошлого, но пространно размышляя о русской революции, о возрождении и восстановлении России, о задачах русской эмиграции. При чтении у несведущего человека создается впечатление, что свое личное прошлое автор, в силу своей исключительной скромности, не считал достойным внимания читателей, что все исторические катаклизмы и драмы обошли его стороной.

В такой ситуации особый интерес представляет последняя глава воспоминаний Касаткина – «Апофеоз свободной России», – над которой он, по-видимому, работал дольше всего. Она, собственно, составляет большую часть его воспоминаний, которые, таким образом, и воспоминаниями-то можно назвать с большой натяжкой.

В этой главе Касаткин расписал свои мечтания о том, какова будет новая Россия без «большевистской власти»: «Прежде всего, долой ненавистное безгласное СССР. Да здравствует великая тысячелетняя Россия с ее славным прошлым, с ее царями, гениальными учеными, артистами и самим великим русским народом, который создал эту великую Россию!»

По сути, в этой главе он пытался сформулировать главные ценности «избавленной от ига большевиков» России.

Для начала Касаткин предлагает изменить названия населенных пунктов новой России, и в первую очередь переименовать Ленинград в Свято-Петроград, Свердловск – в Екатериноград, Днепропетровск – в Екатеринослав, Сталинград – в Царицын, Куйбышев – в Самару, Новосибирск – в Новониколаевск, Калининград – в Кенигсберг и т.д. Столицу, по его мнению, необходимо перенести в Свято-Петроград, так как «город Святого Петра – это славное русское прошлое Российской империи», тогда как Москва «опошлена коммунистами, загажена ее святыня – Кремль». «Новая старая» столица должна стать центром культурного возрождения новой России, городом-музеем «славного прошлого русского народа».

Касаткин считал важным увековечить память государственных и военных деятелей России, а также русских писателей, художников, композиторов, ученых. Прежде всего, в столице должен быть поставлен памятник из белого мрамора «священномученикам за Россию убиенным» – всей

царской семье. Памятник необходимо установить у Александровской колонны на Дворцовой площади, которая «вместо бездушных камней должна быть обращена в роскошный цветник», с надписями на постаменте: «Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят», а также «Кругом трусость, измена и обман».

Петропавловскую крепость Касаткин предлагает превратить в грандиозный музей Петра Великого, возле храма Вознесения на крови установить памятник Александру II, а скульптуру Александра III работы П.П. Трубецкого перенести на Михайловскую площадь и установить перед Русским музеем. На Марсовом поле, на месте захоронения «жертв революции», считал он, должны стоять памятники М.Д. Скобелеву и вел. кн. Николаю Николаевичу, а перед Таврическим дворцом – скульптура П.А. Столыпина, стоящая за трибуной Государственной думы.

После государственных и военных деятелей Касаткин принялся за русских литераторов. Он подробно описал устройство будущих музеев, проекты памятников и скульптурных композиций, материалы, из которых они должны быть сделаны, варианты постаментов и надписей на них. Так, пребывая в убеждении, что все памятники А. Пушкину в России были неудачны, он предложил свой проект: «Фигура на высокой скале в виде библейского пророка с большим крючковатым посохом в руке, типа статуи Моисея Микеланджело. На скале – краткая надпись: «Глаголом жги сердца людей». У подножия скалы женщина – Муза, не вдохновляющая, а записывающая вещие слова поэта». М. Лермонтова он видел в бурке, в форме офицера 77-го Тенгинского пехотного полка. Эти памятники – Пушкину и Лермонтову – следовало установить в Адмиралтейском саду, который по этому случаю переименовать в «Сад поэтов».

Место памятника Ф. Достоевскому, считал он, – стрелка Васильевского острова, напротив здания Биржи, где необходимо поместить отделение изящной словесности Академии наук. В память о Ф. Достоевском он считал важным учредить премию в «миллион золотых рублей», которая присуждалась бы за лучшие литературные произведения раз в пять лет, «знаменную тем всемирную славу нашего великого писателя». В честь И. Тургенева и Н. Некрасова он считал нужным создать парки на Елагином и Крестовском островах, с разбросанными по ним скульптурами из произведений писателей. Не забыты им были и И. Гончаров и А. Островский, Л. Толстой и А. Чехов, русские композиторы, художники и ученые.

В Москве, которая «уже сама является музеем русской славы допетровской России», в первую очередь, по мнению Касаткина, необходимо было убрать из Кремля «тех, кому там совсем не место, – разрушителей России Ленина и Сталина». (Писал он, напомним, в 1960 г.). «Набальзамированные трупы их надлежало бы, по примеру Лжедмитрия, сжечь, пепел засыпать в пушку и выстрелить на Запад, откуда пришли эти самозванцы, взобравшись с ногами на Всероссийский престол. Но месть, даже к злей-

шим врагам, не в духе русского народа, поэтому прах этих самозванцев надо отправить: Ленина в Горки, где он умер, а Сталина в Гори, где он родился. Мавзолей же снести с лица земли, чтобы и памяти об этом страшном прошлом не осталось. На месте мавзолея надлежит поставить памятник Генерал-Губернатору вел. кн. Сергею Александровичу и его супруге вел. кн. Елизавете Федоровне».

В центре Красной площади, считал Касаткин, нужно воздвигнуть грандиозный памятник «Слава России» – цилиндрическую колонну, увенчанную бронзовой «Шапкой Мономаха», у подножия которой расположить скульптуры Сергия Радонежского с Дмитрием Донским, патриарха Филарета, благословляющего на царство сына Михаила, царей Ивана Грозного и Алексея Михайловича.

Третьяковскую галерею Касаткин посчитал важным перенести в Большой Кремлевский дворец. В усадьбе Л. Толстого в Хамовниках устроить библиотеку его имени и т.д.

Наконец, Касаткин настаивал на том, что «новая Россия» должна увековечить память «героической Добровольческой армии и армии адмирала А.В. Колчака». Для этого он предложил установить на берегу Черного моря, в районе Севастополя, «откуда покидали родные берега славные добровольцы», статую из белого мрамора в виде сестры милосердия, у подножия которой должны были стоять бронзовые фигуры адмирала А.В. Колчака, генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, а также фигуры солдат Добровольческой армии – пехотинца, кавалериста, казака и артиллериста.

По-видимому, Касаткин очень серьезно относился к своим проектам обустройства избавленной от коммунистов России, особенно к смене идеологических и эстетических приоритетов. Заканчивая свои «воспоминания и мысли о прошлом, настоящем и будущем», посвященные «истерзанному, истрадавшемуся Русскому народу», он подчеркнул: «На освобожденном русском народе лежит обязанность достойно увековечить память тех, кто создал славу России. <...> Хочется думать, что когда исчезнет коммунизм, тогда значительно, если не совсем, сократятся военные расходы и останется достаточно средств на создание этого апофеоза будущей Свободной России, которые я набросал в этой главе».

Воспоминания генерала Касаткина до сих пор не опубликованы. Вероятно, отечественные историки гражданской войны и Белого движения не сочли их особо ценными.

Примечания

¹ Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003. С. 109.

Volkov E.V., Egorov N.D., Kuptsov I.V. Belye generaly Vostochnogo fronta Grazhdanskoy voyny: Biografichesky spravochnik. Moscow, 2003. P. 109.

СИБИРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ГЕОРГИЙ МАРКОВ: ЖИЗНЬ, КНИГИ, ДОКУМЕНТЫ

Во второй половине 1950-х – конце 1980-х гг., на протяжении более трех десятилетий, в литературно-общественной жизни страны и в государственной политике в области литературы и искусства существенную роль, а во многом уникальную и определяющую, играл бессменный руководитель Союза писателей СССР Георгий Моисеевич Марков (1911–1991).

В 1956–1971 гг. он был секретарем правления Союза писателей СССР. Фактически – «вторым секретарем» (официально такой должности не существовало) при руководителях всесоюзной писательской организации А.А. Суркове, Н.С. Тихонове и К.А. Федине. В 1971 г. он стал первым секретарем правления, в 1986–1989 – председатель правления Союза писателей СССР. В 1979–1990 гг. – председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям в области литературы, искусства и архитектуры при Совете министров СССР. Именно в качестве председателя Комитета по Ленинским и Государственным премиям, а не в качестве руководителя Союза писателей, он вручал 31 марта 1980 г. в Кремле Ленинскую премию Л.И. Брежневу за его трилогию «Малая земля», «Возрождение», «Целина» и, как было сказано в официальной формулировке решения о присуждении премии, «за неустанную борьбу за мир».

В 1966–1990 гг. он был членом ЦК КПСС. В 1960–1980-е гг. избирался депутатом Верховного совета СССР нескольких созывов. А в 1983–1984 гг. занимал совсем необычную для литературно-общественного деятеля должность: председателя Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный совет СССР.

Георгий Марков был уроженцем Сибири.

Сибирь стала сквозной темой всего его творчества – художественного, публицистического, литературно-критического. Его романы и другие произведения – от написанных в «шолоховском» возрасте в 1930-е гг. «Строговых», удостоенных в 1951 г. Сталинской премии, до опубликованных посмертно повести «Старый тракт» и воспоминаний о сибирской комсомольской юности «Не поросло бильем» – посвящены сибирским темам: историко-революционной героике начала XX в. («Сибирь»), первым послереволюционным коммуна в Сибири («Отец и сын»), разведке и освоению природных богатств Западной Сибири, в частности, нефти и газа («Соль земли»), старым партийным руководителям («Земля Ивана Егорыча») и новому поколению сибирских партийных работников («Грядущему веку»).

Почти все романы его были экранизированы в советские годы (по «Строговым», «Соли земли» и «Грядущему веку» сняты многосерийные

² Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. *Kasatkin V.N.* Collection. Memoirs.

³ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. Golovachev Collection. Box # 1. *Головачев М.П.* Сибирское движение и коммунизм. Рукопись.

Golovachev M.P. Sibirskoe dvizhenie i kommunizm. Manuscript.

⁴ *Балмасов С.С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. С. 334.

Balmasov S.S. Beloemigranty na voennoy sluzhbe v Kitae. Moscow, 2007. P. 334.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 236.

State Archive of Russian Federation (GA RF). F. R-6599. Op. 1. D. 8. L. 236.

⁶ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2175. Л. 1.

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 323. Op. 9. D. 2175. L. 1.

⁷ Там же. Л. 10б.

Ibidem. L. 1v.

⁸ *Писаревская Я.Л.* Две России в Манчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг. // Новый исторический вестник. 2000. № 2. С. 53–58; *Кротова М.В.* Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 67–71.

Pisarevskaya Ya.L. Dve Rossii v Manchzhurii: sotsialnaya adaptatsiya i reemigratsiya (20-e – nachalo 30-kh gg. // Novy istorichesky vestnik. 2000. No. 2. P. 53–58; *Krotova M.V.* Russkie emigranty v mezvvoennoy Manchzhurii: manipulyatsii s grazhdanstvom kak strategiya vyzhivaniya // Novy istorichesky vestnik. 2012. No. 2 (32). P. 67–71.

⁹ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2175. Л. 39.

RGIA. F. 323. Op. 9. D. 2175. L. 39.

¹⁰ Там же. Л. 25.

Ibidem. L. 25.

¹¹ Там же. Л. 32.

Ibidem. L. 32.

¹² ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 10. Л. 151.

GA RF. F. R-6599. Op. 1. D. 10. L. 151.

¹³ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 13. П. 104. Д. 101. Л. 12.

Archive of Foreign Policy of Russian Federation (AVP RF). F. 08. Op. 13. P. 104. D. 101. L. 12.

¹⁴ РГВА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 340. Л. 74.

Russian State Military Archive (RGVA). F. 308. Op. 3. D. 340. L. 74.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 14. Л. 51–52.

GA RF. F. R-6599. Op. 1. D. 14. L. 51–52.

¹⁶ *Kasatkin V.N.* Memoirs.